

Е.С. Никитина

Институт языкознания Российской Академии Наук, г. Москва

E.S. Nikitina

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

ТИПЫ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ. ПСИХОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СМЫСЛУ ТЕКСТА

TYPES OF INTERPRETATION. PSYCHOSEMIOTIC APPROACH TO THE SENSE OF THE TEXT

Ключевые слова: текст как знак, понимание, интерпретация, нарратив, смысл, этос, сферы опыта, диалогика

Keywords: text as a sign, understanding, interpretation, narrative, sense, ethos, the scope of experience, dialogic

В работе предпринимается попытка рассмотреть интерпретации как пересказ исходного текста в заданном этосе. Интерпретации могут нормализовать текст внутри сферы его функционирования, а могут выводить в иные бытийные сферы. И тогда возникает проблема диалога интерпретаций, отправляющая исследователя к изначальной пониманию текста.

This paper attempts to examine the interpretation of the source text as a paraphrase in a given ethos. Interpretation can normalize the text within the scope of its operation, and can output it in other existential sphere. And then there is the problem of the dialogue of interpretations, sending the researcher to the original understanding of the text.

«Так мне открылось то, что писатели знали всегда и всегда твердили нам: что во всех книгах говорится о других книгах, что всякая история пересказывает историю уже рассказанную. Это знал Гомер, это знал Ариосто, не говоря о Рабле или Сервантесе».

У. Эко. Заметки на полях «Имени розы»

Трудно представить, что не было начала Света и не было первого рассказчика истории. Однако, если принять логику Карло Гинзбурга, утверждавшего, что на протяжении тысячелетий человек жил охотой, то можно представить такую ситуацию. На опыте многочисленных погонь и выслеживаний охотники научились восстанавливать невидимых жертв по отпечаткам на земле, по сломанным веткам, шарикам помета, клочкам шерсти или перьев, ниточкам слюны, остаточным запахам. Человек научился чують, запоминать, классифицировать мельчайшие следы и интерпретировать их в своих прогнозах и предсказаниях. Затаившись в зарослях или

очувившись на открытом пространстве, когда опасность грозила со всех сторон, он научился выполнять сложные мысленные операции с молниеносной быстротой. Поколения и поколения охотников обогащали и передавали во времени эту сумму знаний.

Охотничий тип знания характеризуется способностью восходить от незначительных данных опыта к сложной реальности, недоступной прямому эмпирическому наблюдению. Эти опытные данные всегда подлежат такому упорядочению, которое ведет к порождению нарративной цепочки. В своем простейшем виде эта цепочка может быть сведена к высказыванию «здесь кто-то был». «Возможно, сама идея рассказа (как чего-то, отличного от заговора, заклинания или молитвы) впервые возникла в сообществе охотников, из опыта дешифровки следов. В пользу такого предположения – разумеется, не поддающегося прямому доказательству – мог бы свидетельствовать и тот факт, что риторические фигуры, на которые до сих пор опирается язык охотника-следопыта: часть, замещающая целое, следствие, замещающее причину – соотносятся с осью метонимии (организующей для прозаического языка) и полностью исключают ось метафоры. Охотник в этом случае оказался бы первым, кто «рассказал историю», потому что он был единственным, кто мог прочесть в немых (а то и почти незаметных) следах, оставленных жертвой, связную последовательность событий» (Гинзбург, 2004: 198).

Передача опыта охотничьего знания организовывала эту деятельность в форму рассказа.

1. Понимание и интерпретации. Текст как один из участников коммуникативного процесса может быть рассмотрен с трех позиций: как объект коммуникации, как инструмент коммуникации и как субъект коммуникации. В последнем случае текст должен быть понят и только потом объективирован, через включения в различные интерпретативные практики.

Интерпретация совершается на основе понимания. Чтобы интерпретировать, нужно сначала понять о чем идет речь, то есть, включиться в диалог с текстом, войти в герменевтический круг. Сначала понимание: выделение смысла того, что есть в тексте. А затем толкование его в свете возникшей коммуникативной задачи. Самый элементарный пример: толкование пословиц. Пословицу сначала нужно понять: о чём ведется речь?

«*Цыплят по осени считают*». Речь ведь идет не о том, что когда придет осень, то необходимо пересчитать цыплят. Как мы понимаем смысл пословицы?

Цыплята выводятся весной. Все лето они растут, некоторые погибают по разным причинам, и только осенью считают оставшихся, выросших здоровыми кур и петухов. Не каждый цыпленок доживает до осени.

Аналогичная по смыслу пословица: «Считай свои сливы в корзине, а не на дереве».

Пословица – это вывод, «мораль» ситуации. Разные участники диалога по-разному определяют и оценивают смысл происходящего. Взять хотя бы

«Береженого бог бережет» и «Волков бояться – в лес не ходить» или «Куй железо, пока горячо» и «Поспешишь – людей насмешишь». Пословицы противоречат друг другу, как и люди в диалоге: *«Работа не волк, в лес не убежит».* – *«Делу время - потехи час»*, *«Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня».* Или, *«Реже видишь – больше любишь»*, но *«С глаз долой – из сердца вон».*

Если не обращать внимания на то, что для всякого изречения всегда можно найти другое, имеющее совершенно противоположный смысл. Если раз и навсегда выбрать какое-нибудь одно такое изречение и сделать его главным ориентиром повседневного поведения, своим кредо, символом собственного «Я», то нетрудно прийти к убеждению, что на свете существует только одна правильная точка зрения, и она по странной случайности совпадает с вашей собственной. А тут уж всего один шаг до утверждения, что мир устроен неправильно и в нем все идет не так, как нужно.

Но если владеть арсеналом пословиц, то речевые ситуации всегда будут многомерны и диалогичны по своей структуре. А значит – чреватые творчеством.

Пословица – это, безусловно, высказывание. Она обладает завершенной целостностью высказывания, обеспечивающей возможность ответа или ответного понимания. Она – инструмент оценки ситуации. Поэтому и существуют банк пословиц на схожие ситуации, так как у разных рассказчиков своя мораль, свое видение ситуации.

Но из этого следует, что у пословицы, как высказывания, имеющего вначале текст-породитель, может быть и свой смысл. Пословицу можно даже назвать уплотненным текстом, со своей структурой, коммуникативной задачей, содержанием, направленностью, трудностями, языковым оформлением.

Если задаться таким вопросом: возникает ли смысл как «ага» реакция на уже совершенное действие (вот, оказывается, что это было!) или он стоит вначале понимающего акта? Нам представляется, что здесь следует придерживаться той точки зрения, которая высказана в эпиграфе. А именно: у человека, приступающего к пониманию, претендующего на то, что ему посильно понимание, всегда есть запас смыслов (как запас мер в физическом мире), с помощью которых он может что-либо понимать. Однако этого запаса не всегда может хватать. Мир смыслов континуален, а потому – бесконечен. И вот осознание смысловых нюансов, входов в новые смысловые повороты, происходит в результате понимающе-интерпретационной деятельности.

Интерпретация – это все-таки использование уже готового смысла для новой ситуации. Если смысл точно описывает ситуацию, то дальше пословицы мы не пойдем. Если нужно выразить новый смысл, то необходимо создавать и новый текст. Только в этом случае и будет происходить сдвигка смысла в новое коммуникативное поле.

Текстовый смысл (как и нулевой знак в семиотике) должен быть узнан, чтобы служить опорой для последующих интерпретаций и

переинтерпретаций. У текста, в качестве коммуникативного субъекта, есть свой голос, свои намерения, свой смысл, не зависящий ни от автора, ни от читателей - голос самоадресации. Этот смысл есть порождение текста как смысловой единицы коммуникативного акта. Возникает он от встречи трех компонентов знаковой (семиотической) структуры речевого произведения: содержания, языка и знания. Или, если использовать алгоритм риторического канона текста, из темы или фрагмента действительности (о чем), знаниевого наполнения или организации содержания (каким образом) и речевых средств (посредством чего).

Проиллюстрируем это положение примером, придуманным Н. Хомским для демонстрации неэквивалентности понятий «грамматичность» и «осмысленность»: «Бесцветные зелёные мысли спят яростно» (англ. *Colorless green ideas sleep furiously*). Есть ли смысл в этом предложении? Роман Якобсон показал, что грамматически корректное предложение может быть прочитано как семантически значимое: «Так, анализируя предложение "Бесцветные зеленые идеи яростно спят" (1957: 15), рассматриваемое Хомским как образец бессмысленного высказывания, мы выявляема в нем имеющий форму множественного числа топик "идеи", о котором говорится, что он находится в состоянии "сна"; оба члена имеют определения: "идеи" характеризуются как "бесцветные зеленые", а "сон" – как "яростный". Указанные грамматические отношения создают осмысленное предложение, для которого возможна проверка истинности: существуют или нет такие вещи, как "бесцветное зеленое", "зеленые идеи", "сонные идеи" или "яростный сон"? "Бесцветное зеленое" – это синонимическое выражение для "бледно-зеленое", имеющее как явный оксюморон легкий юмористический оттенок. Эпитет "зеленое" при слове "идеи" – это метафора, напоминающая знаменитую строку Эндью Марвелла "Green thought in a green shade" ('Зеленая мысль в зеленой тени') или Льва Толстого "Все тот же ужас красный, белый, квадратный", а также русскую идиому "тоска зеленая". В фигуральном смысле глагол "спать" означает «быть в состоянии, похожем на сон, быть инертным, онемелым, апатичным и т. д.»; ведь говорят, например, *his hatred never slept* (букв. «его ненависть никогда не спала»). Почему же тогда не могут чьи-нибудь идеи впасть в сон? И наконец, почему нельзя рассматривать слово "яростно" как эмфатический синоним слова "крепко"? Делл Хаймз, используя рассматриваемое предложение, написал в 1957 г. вполне осмысленное стихотворение под тем же названием "Бесцветные зеленые идеи яростно спят" (Якобсон, 1985: 237).

Если подходить к тексту как знаку с собственным содержанием, то он подчиняется принципу троичности знаковой структуры. Знак, как триединый объект, отражает еще и жизнь в себе. Несмотря на то, что три составляющих знака не сводимы друг к другу, а каждое обладает своей спецификой, выполняет свою «работу», не свойственную другим частям, через «триединость» и «нераздельность» они взаимодействуют друг с другом составляя единое целое – «единосущность» (Раушенбах, 1993). При

отсутствии одного из компонентов, два других замещают, восполняют его функции, удерживая знак в смысловом единстве.

2. Об интерпретации и не только

«Пианист играл одну из последних мазурок Шопена. В ней были изящество, пленительная легкость. Под пальцами музыканта возникала очаровательная миниатюра, которой хотелось любоваться без конца. А через несколько дней ту же мазурку исполнил другой пианист. Звучали те же ноты, но что это? Воспринималась она совсем по-другому. В ней слышались грусть, мечтательность, неясные надежды... Не будем сейчас выяснять, кто из музыкантов более верно понял мазурку. Главное вот что: содержание каждого музыкального произведения настолько обширно и многогранно, в нем заложено столько разнообразных возможностей, что каждый исполнитель играет его по-своему. Он может подчеркнуть грацию или мечтательность, сыграть строже или свободнее, выделить исполнением основную мелодию или окружить ее мельчайшими мотивами-подголосками аккомпанемента... Может по-своему расставить смысловые акценты, что-то выделить динамически, где-то немножко ускорить или замедлить темп, и музыка зазвучит совсем иначе.

Толкование музыкального произведения исполнителем и называется интерпретацией (латинское *interpretatio* - объяснение, толкование), трактовкой. Но нельзя думать, будто исполнитель играет, не считаясь с замыслом композитора, с указаниями, сделанными в нотах. Целью интерпретации должно быть верное раскрытие замысла произведения» (Михеева, 1984).

Смысл складывается не только из замысла композитора, но и текстового совершенства, и понимания исполнителя.

3. Горизонты интерпретаций

Как совершается толкование или интерпретация текста? Дело совсем не простое ни с исторической, ни с логической, ни с психологической точки зрения. Пример с пианистами показывает, что пафос меняет смысл произведения.

Однако, не только пафос, логос и этос также меняют смысл текста, организуя понятное пространство вокруг него. Остановимся на этосе, поскольку мышление, в большинстве случаев, подтягивается за этическими аргументами согласно принципу герменевтического круга (Никитина, 2006: 150-156).

Понятие «этос», вместе с понятиями «пафос» и «логос» - основные для риторики. «Этосом принято называть те условия, которые получатель речи предлагает ее создателю. Эти условия касаются времени, места, сроков ведения речи, и этим определяется часть содержания речи, по крайней мере, ее тема, которую получатель речи может считать уместной или неуместной. Неуместную речь получатель речи вправе отклонить. Главным признаком уместности является тема речи, при условии, что время, место и сроки речи согласованы между участниками речевой коммуникации» (Рождественский, 1997: 96). Этос ограничивает пафос, так как последний может

реализовываться лишь в пределах заданного этосом места и времени. Этос создает условия для речи. Пафос же есть источник создания смысла. А логос - словесное воплощение пафоса на условиях этоса. Нарушение условий этоса можно проиллюстрировать примером неуместного высказывания дурака из сказки. Он потому и дурак, что приветствовал похоронную процессию словами: "Таскать вам - не перетаскать" и был бит. Эту поговорку он усвоил от людей, занятых уборкой урожая, и применил неуместно.

Категории риторики - этос, пафос, логос - находятся в связи друг с другом и как бы переходят одна в другую в коммуникативном круге понимания.

Этос «есть некий осадок цивилизационных процессов, которые включают воспитание, образование, законы и правила, установленные политической властью и общественной моралью в той мере, в какой все эти внешние факторы трансформировались, преломились в призме личного, иррационального, традиционного, физиологического, фундированного бессознательным, телесным уровнем, то есть всем тем комплексом, что составляет глубинные основы человека не только как социального, политического, экономического существа, но прежде всего как живого, человеческого. Лорд Галифакс говорил, что образование — это то, что остается, когда мы забываем все, чему нас учили. Остается не так много. Остается очень много. Остается этос» (Разова, 2003: 191). Место этоса - это место человеческого самоопределения, которое составляет форму человека во всей его раскрытости. Греки такую точку называли «акме». Это и «жизненный мир» в его феноменальности и «объективный мир» в его рациональности одновременно. Этос в современной трактовке - это и стиль жизни общественной группы, ориентация ее культуры, принятая в ней иерархия ценностей.

4. Жизненный мир.

Понятие этоса опирается в понятие жизненного мира, используемого Эдмундом Гуссерлем. В жизненном мире Гуссерль искал основания всех стабильных систем взаимодействия, всех крупномасштабных социальных структур. Он стремился понять, как происходит становление объективности в ходе простейших человеческих взаимодействий.

Согласно Гуссерлю, жизненный мир предстает как «горизонт» всех целей, проектов, интересов активности субъекта, независимо от их временных, пространственных, ценностных и прочих масштабов. Но любая организующая, рефлектирующая деятельность (включая научную) ведет к сосредоточению на том или ином аспекте жизненного мира, к возникновению «закрытых» миров, опосредованных особой целью и недоступных прямому постижению. Поэтому Гуссерль писал: «...тематически присутствуя в нашем частном мире (под водительством высшей цели, которая “производит” этот мир), “жизненный мир” остается нетематизированным» (Husserl, 1954: 459). Обращение к жизненному миру есть обращение к глубинной реальности социальной жизни и, по мысли

Гуссерля, оно должно открыть науке ее действительное место в мире - отношении к человеческой субъективности (Husserl, 1970).

Ученик Гуссерля Альфред Шюц, развивая идеи учителя о жизненном мире, полагал, что все эмпирические науки, как и их инструментарий, сами являются элементами этого мира. Этот жизненный мир, предшествующий объективирующей научной рефлексии, есть мир человеческой непосредственности, феноменальный мир чувствований, стремлений, фантазий, желаний, сомнений, утверждений, воспоминаний о прошлом, предвосхищения будущего и т.п. Шюц определяет его как мир, в котором «мы, как человеческие существа среди себе подобных, живем в обществе и культуре, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и в свою очередь, подвергаются нашему воздействию» (Schutz, 1962: 116). Но наука не должна принимать этот мир как данное. Наоборот, ее задачей становится исследование природы этой данности. То, что другие люди существуют и их действия имеют субъективный смысл, что люди ориентируют свои действия в соответствии с действиями других, что коммуникация и взаимопонимание возможны, - все это, по Шюцу, предполагается как данное. Предполагается, но не анализируется. Может ли в таком случае наука претендовать на объективность?!

И Альфред Шюц предпринял своеобразную философско-социологическую попытку: он рассматривает становление социальной объективности, начиная с элементарнейших процессов порождения смыслов в «потоке опыта», обращаясь к конституированию «объектов опыта», затем «значимых действий», обладающих «субъективным смыслом» и так далее вплоть до конституирования объективных социальных структур во взаимодействии индивидов.

А. Шюц выделил сферы человеческого опыта, которые он называл конечными областями значений (*finite provinces of meaning*). Наряду с повседневностью это такие сферы как художественное творчество, религия, сон, игра, научное теоретизирование, мир душевной болезни и т.п. Шюц определял эти области как конечные, потому что они замкнуты в себе и переход из одной области в другую не только невозможен, но и требует определенного усилия и предполагает своего рода смысловой скачок. Например, переход от увлекательного романа или захватывающего кинофильма к реалиям повседневной жизни требует некоторого усилия, заключающегося в переориентации нашего восприятия на «иную» реальность. То же можно сказать и о других сферах.

Значения фактов, вещей, явлений в каждой из этих сфер опыта образуют целостную систему. Одна и та же вещь, например хлеб, имеет разные значения в религии, науке, сне, повседневной жизни. В каждой из названных сфер ее значение входит в целостную, относительно замкнутую систему значений. Эти системы относительно мало пересекаются, поэтому соответствующие сферы опыта и названы конечными областями значений.

Конечные области значений, по определению Шюца, есть обособившиеся сферы синкретического единого комплекса действия,

переживания и мышления, характерного для далекого прошлого человечества.

Для феноменологического подхода важно еще одно обстоятельство. Рассуждения о конечных областях значений не затрагивают вопроса об объективном существовании фактов и явлений в данных областях. Во всех областях мы имеем дело со сферами опыта. Ведь все, что нам известно о мире, мы знаем из нашего опыта. В качестве содержания нашего опыта Наташа Ростова существует так же, как компьютер на моем столе, хотя и не так же. И в конечном счете невозможно доказать, что на самом деле компьютер существует, а Наташа Ростова - нет. По мнению Щюца, переживание объективного существования вещей и явлений, «телесно-предметное переживание реальности, ее вещей и предметов» - составляет преимущество повседневности по сравнению с другими конечными областями значений.

Поэтому, как полагал Щюц, повседневность является «верховой реальностью». Человек живет и трудится в ней по преимуществу и, отлетая мыслью в те или иные сферы, всегда и неизбежно возвращается в мир повседневности. Верховная власть повседневности обеспечивается именно связью повседневных дел и забот с физической телесностью действующего индивида.

Здесь мы оставим рассуждения А. Щюца и вновь обратимся к действительности текста.

Знаковая телесность текста не дает ему преимуществ повседневности перед другими сферами. У текста нет физической телесности ни в повседневности, ни в какой-либо еще сфере человеческой жизни. Повседневность - всего лишь одна из «конечных областей значений» - может объективно наблюдаться в ее отношениях с другими смысловыми сферами. Знак не ведает социальных границ – он их легко преодолевает, перемещаясь из сферы в сферу. Щюцовский принцип верховенства повседневной действительности в мире текстов преодолевается принципом открытости коммуникаций или невозможностью отсутствия коммуникаций – первая метакоммуникационная аксиома (Вацлавик, 2000: 60).

Полагая себя в качестве нарративной действительности, текст кочует по сферам человеческой культуры, преодолевая, тем самым, их стратификацию. И только интерпретация выполняет роль охранного механизма границ сфер опыта. Интерпретации «задерживают» текст внутри определенной ему сферы, охраняя от «чуждого» смысла.

Так, существует огромное множество интерпретаций, например, сказки «Колобок» или «Красной Шапочки». Антропологические, психоаналитические, мифологические, феминистические и т. д. интерпретации не препятствуют возникновению и алхимической трактовки истории. «Один итальянский ученый попытался доказать, что речь в сказке идет о процессе получения и очистки минералов. Переводя образы в химические формулы, он пришел к выводу, что Красная Шапочка — это киноварь, синтетический сульфид ртути, красный, как девочка шапочка.

Получается, что малышка содержит ртуть в чистом виде, которую необходимо отделить от серы. Ртуть очень подвижна и текуча, так что не случайно мама предупреждает Красную Шапочку, чтобы та не бегала по лесу где попало. Волк воплощает хлористую ртуть, известную также как каломель (по-гречески это означает «черная красота»). Чрево Волка — это тигель алхимика, в котором киноварь превращается в ртуть. Однако Валентина Пизанти выдвинула совершенно здоровое возражение: если в конце сказки Красная Шапочка уже не киноварь, а ртуть, почему же, когда она выходит из Волчьего брюха, на ней по-прежнему красная шапочка? Варианта, в котором она выходила бы в серебряной шапочке, не существует. Так что текст не поддерживает подобной трактовки. Из текстов можно вывести то, о чем в них не говорится впрямую, — на этом и основано читательское содействие, — однако нельзя заставить их говорить обратное тому, что в них сказано на самом деле. Невозможно отмахнуться от того, что в финале сказки на Красной Шапочке по-прежнему ее красный колпачок: именно этот текстуальный факт освобождает образцового читателя от обязанности постигать химическую формулу киновари» (Эко, 2002: 171-172).

В каждой из социальных сфер опыта вырабатываются собственные специфические методы для достижения своих целей. Именно в этой связи можно говорить о профессиональной интерпретации или экспертизе. Но все они решают общую задачу: восстановление суверенитета собственной сферы.

5. Два типа интерпретаций

По мысли же Шюца, одни и те же факты в рамках какой-либо из сфер реальности могут трактоваться либо как «знаки», либо как «символы». В первом случае они входят в целостную систему, представляющую собой отдельную сферу реальности, конечную область значений, во втором - выводят за пределы этой системы, указывая на иную, трансцендентную по отношению к ней, реальность (Schutz, 1962: 312). Если применить шюцевскую терминологию, можно сказать, что на этой первой ступени интерпретации тексты истолковываются как знаки: благодаря этому они включаются в знаковую систему сферы, т.е. «нормализуются», подчиняются логике данной сферы.

Однако процесс интерпретации предполагает еще один шаг, еще одну ступень. Если события или факты слишком настойчиво заявляют о себе, если они оказываются «слишком» реальными, если их не удастся «нормализовать», тогда их приходится интерпретировать как указание на нечто иное, то есть на какую-то иную смысловую сферу.

Если следовать мысли Шюца, можно сказать, что на второй ступени интерпретации факты, не поддающиеся традиционному, общепринятому осмыслению, используются как символы, указывающие на трансцендентную по отношению к принятой сфере действительность. Шюц полагал, что символы являются средством коммуникации между сферами. *Попытки установить общение с другой сферой действительности есть акты метакоммуникации.*

Итак, можно предположительно говорить о существовании двух видов интерпретаций: замыкающей сферы опыта внутри самих себя (экспертной) и устанавливающей взаимодействие между сферами культуры (семиотической). Для первой интерпретации характерна закрытость и отталкивание от трансцендентных сфер. Для второй – попытка организовать диалог, выстроить диалогичку.

Если вновь обратиться к Красной Шапочке, то в сказке есть ряд непонятностей. Вот только некоторые из них с точки зрения повседневного мышления. Например, больная бабушка живет в дремучем лесу, отдельно от деревни и людей. Также непонятно поведение матери Красной Шапочки, которая не сама идет навестить свою больную мать, но посылает свою дочь через лес, в котором водятся волки. И зачем Волку рядиться в бабушкины одежды и обманывать девочку, когда можно было бы ее просто подкараулить и съесть? По версии Алексея Наговицына, использующего метод реконструкции мифа, внутри которого сказка сказывалась, Красная Шапочка олицетворяет собой Смерть. Как и палач - носитель смерти, который имел красную одежду, у девочки символом смерти является ее шапочка. Три женщины в сказке соотносятся с тремя мирами: подземным (бабушка), земным (мать), небесным (Красная Шапочка). Триада женщин олицетворяла Смерть в трех ее ипостасях: в Загробном мире, на Земле и в Небесном мире. Волк, как посредник, проводник между мирами, проглатывает двух женщин: бабушку и внучку. *«Возможно, сама сказка – это отголосок мифа о том, как была побеждена смерть в Небесном и Подземном мире, но сохранилась на земле. Подобный миф мог возникнуть в связи с представлением о бессмертии души, отрицании ее окончательной гибели. <...> По нашему мнению, сказка рассказывает о том, как было достигнуто бессмертие души. Герой-предок, предстающий в образе Волка, уничтожил Смерть в нижнем Загробном и верхнем Небесном мире. Характерно то, что для этого он использовал принципы древнейшей индоевропейской шаманской магии: магию подобия и магию проложения пути в иной чуждый ему Небесный мир. Поэтапный переход от аудио-к видеовизуализации к непосредственному контакту и поглощению самой сущности иномирного существа Красной Шапочки также указывает на традицию шаманского перехода в иной мир»* (Наговицын, 2003: 307-315).

И совсем иной тип интерпретации мы имеем, когда симптом «болезни», иначе, проблема, непонятность, в одной сфере, получает интерпретацию через другую сферу, в иной логике жизненного мира. Например, в логике научной мифологии. *«Что могли бы найти в этой истории последователи Зигмунда Фрейда? Во-первых, ситуацию проявления либидо, связанную с достижением девочкой половой зрелости. Красная шапочка — символ первой менструации. Идущая по лесу девушка в красной шапочке как бы заявляет всем: «Посмотрите, я достигла половой зрелости и готова к началу интимной жизни!» Либидо Красной Шапочки «ищет приключений». Во-вторых, стремление отделиться от тела матери. Красная Шапочка игнорирует предупреждение об опасности, стремясь*

быстрее познакомиться с Волком. Волк символизирует мужскую фигуру. Таким образом мать предупредила дочь об опасности взаимоотношений с мужчиной. Но дочь, стремясь стать женщиной и тем самым отделиться от тела матери, сама идет прямо к Волку в пасть. Так соотносятся между собой тенденции либидо и мортидо (стремление к удовольствию и стремление к смерти). В-третьих, конфликт Ид и Супер-Эго при слабо развитом Эго. Красная Шапочка одержима Ид, поэтому игнорирует наставления Супер-Эго, в результате чего попадает в травматичную ситуацию. То, что она оказывается съеденной Волком, представляется наказанием Супер-Эго.

В-четвертых, указание на «женский шовинизм». В конце истории Красная Шапочка проявляет инициативу и наполняет брюхо Волка камнями, символизирующими неспособность мужчины «быть беременным». Дело в том, что Волк, съев бабушку с внучкой, как бы «стал беременным», правда, «разродился» он в результате «кесарева сечения», произведенного лесорубами. За что и был наказан «новорожденными».

Без всякого сомнения, можно продолжать увлекательный анализ сказки с позиции психоанализа дальше и дальше, но главное — вовремя становиться» (Зинкевич-Евстигнеева, 2006: 65-67).

Итак, проблемные ситуации или «непонятности» текста подводят к переинтерпретациям устоявшихся смыслов. В одном случае текст остается внутри заданной ему сферы коммуникации. Тогда он выступает в роли авторитетного субъекта. И акцент здесь поэтому ставится на понимание. Движение происходит только по ступеням понимания. Три уровня текстового смысла уготованы уже семиотической организацией самого текста.

В другом случае – текст покидает привычную среду обитания, и если попадает в иную, где также может подвергнуться переинтерпретированию по правилам логики принимающей сферы, то его ожидает судьба Колобка.

Одна логика поглощает другую через нормализацию ситуации и подведения ее под собственную, привычную логику. Хлеб (Колобок), пусть и говорящий, должен быть съеден.

Возможен и третий вариант интерпретаций. Это вариант взаимодействия двух логик из двух (может быть и больше) сфер культуры. Этот вариант диалога разносмыслий, со стремлением объединить их в третьей, дополнительной логике – металогике интерпретаций – только начинает изучаться в качестве диалогичности. Области пока маргинальной, но креативной.

Вместо заключения: диалог интерпретаций.

«Задача терапевта заключалась в том, чтобы установить раппорт с шизофреником. Пациент, высокий, бородатый молодой человек считал себя богом и ни под каким предлогом не вступал в контакт ни с прочими пациентами, ни с работниками больницы. Войдя в кабинет, он занял стул, расположенный метрах в шести от терапевта, и игнорировал все обращенные к нему вопросы и замечания. Тогда терапевт сказал ему, что

намерение быть богом – довольно опасно, потому что в этом случае создается иллюзия всезнания и всемогущества, и ты пренебрегаешь опасностями и отказываешься контролировать то, что происходит вокруг тебя. Тем самым терапевт дал пациенту понять, что это будет исключительно его, пациента, собственная проблема, и если он хочет, чтобы с ним обращались как с богом, терапевт выполнит его пожелание. Во время структурирования этой ситуации пациент стал заметно нервничать, и в то же время он начал проявлять интерес к ситуации. Терапевт достал из кармана ключ от входной двери, положил его перед пациентом и предложил взять его, заявив, что если пациент действительно бог, то ключ ему не нужен, но если бы он был богом, то гораздо больше заслуживал бы того, чтобы владеть ключом. Как только терапевт вернулся к столу, пациент схватил свой стул и передвинул его поближе. Наклонившись вперед, он с искренним недоумением и явной заинтересованностью сказал: «Послушайте, кто-то из нас двоих определенно спятил» (Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000: 262).

Конечность человеческого опыта делает невозможным беспредпосылочное мышление. Поэтому человеческий опыт приобретает смысл, только будучи включенным в определенную традицию. Познание начинается с предпосылки, и такая предпосылка суть предварительное понимание, «пред-рассудок» (по Гадамеру), заданный определенной традицией. Теоретическая деятельность сознания представляет собой уже вторичное понимание. Устранение же «предпонимания» как предпосылки любого познания неизбежно приводит к устранению всякого познания вообще. Достичь адекватности познания возможно через особым образом организованные процедуры интерпретации. Поэтому важным моментом рационалистического познания истины служит **принцип различения понимания и интерпретации**. Понимание есть цель коммуникативного взаимодействия, а интерпретация – метод достижения этой цели. Разнообразные виды интерпретаций ведут к определенным результатам, которые представляют собой «ступени в процессе понимания».

Путь развития интерпретаций не минует этоса диалога.

Литература

1. Вацлавик П., Бивин Дж, Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций: Пер. с англ. – СПб.: «Речь», 2000. – 300 с.
2. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Мифология и история. Сб. статей. – М.: Новое издательство, 2004. – 348 с.
3. Михеева Л. В. Музыкальный словарь в рассказах. М.: Советский композитор, 1984 [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/slovar-muzika/69.htm> , свободный. – Загл. с экрана. – Яз. русск., дата обращения 05.01.2013.
4. Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, Трикста, 2006. – 528 с.

5. Разова Е.Л. Насущность этоса // Альманах "Vita Cogitans". – 2003, вып. 3. – С. 174-191.
6. Раушенбах Б.В. Логика троичности // Вопросы философии. - 1993, № 3. - С. 63-70.
7. Рождественский Ю.В. Теория Риторики. - М.: «Добросвет», 1997. – 600 с.
8. Якобсон Р. О. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Избранные работы. - М.: Прогресс, 1985. - 455 с.
9. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie // Husserliana. - Den Haag, 1954, Bd. 6.
10. Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology // An Introduction to Phenomenological Philosophy. (D. Carr, Tran.). Evanston, Illinois, 1970.
11. Schutz A. The Problem of Social Reality // Collected Papers (Ed. by M. Natanson). - 1962, Vol. 1. - The Hague: Martinus Nijhoff, 1962. –P. 3 - 47.

Источники примеров

1. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Тайный шифр женских сказок. – СПб.: Речь, 2006. - 272 с.
2. Наговицын А. Тайны славянской мифологии. – М.: Академический Проект, 2003. – 480 с.
3. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. Авторский сборник. – СПб.: Симпозиум, 2002. – 288 с.

References

1. Watzlawick P., J. Bivin , D. Jackson Psychology of interpersonal communication : Per. from English. - St. Petersburg. " Speech ", 2000 . - 300 .
2. Ginzburg K. Myths - Emblem - signs: Mythology and history. Sat articles. - M. : New Publishing, 2004 . - 348 .
3. Mikheev L.V. Music Dictionary in stories . Moscow: Soviet composer , 1984 [electronic resource] . - Electron . data. - Mode of access : / / <http://www.bibliotekar.ru/slovar-muzika/69.htm>, free . - Caps . from the screen. - Jaz . Russian . , date accessed 05/01/2013 .
4. Nikitina E.S. Semiotics . Lecture Course : Textbook for high schools. - M.: Academic Project , Triksta 2006 . - 528 .
5. Razova E.L. Urgency ethos // Almanac "Vita Cogitans". - 2003 , vol. 3 . - S. 174-191 .
6. Rauschenbach B.V. The logic of the Trinity / / Problems of Philosophy . - 1993 , № 3 . - Pp. 63-70 .
7. Rozhdestvensky Yu.V. Theory of Rhetoric . - M.: " Dobrosvet ", 1997 . - 600 .
8. Jacobson R.O. Boas views on grammatical meaning / / Selected Works . - Moscow: Progress Publishers , 1985 . - 455 p.

9. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie // Husserliana. - Den Haag, 1954 , Bd. 6.
10. Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology // An Introduction to Phenomenological Philosophy. (D. Carr, Tran.). Evanston, Illinois, in 1970 .
11. Schutz A. The Problem of Social Reality // Collected Papers (Ed. by M. Natanson). - 1962 , Vol. 1. - The Hague: Martinus Nijhoff, 1962 . - P . 3 - 47.

Sources of examples

1. Zinkevich - Evstigneeva T.D. Secret cipher female tales. - St. Petersburg. : Speech , 2006 . - 272 .
2. Nagovitsyn A. Secrets of Slavic mythology . - M.: Academic Project , 2003 . - 480 .
3. Eco U. Six walks in the woods of literature . The author's collection . - St. Petersburg. : Symposium , 2002 . - 288 .

(0,8 п.л.)